

Е.Б. Лукиева*

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫdoi:10.31518/2618-9100-2025-5-7
УДК 94(571.16)"192"(=474)

Выходные данные для цитирования:

Лукиева Е.Б. Прибалтийские переселенцы в Томской губернии в 1920-е годы // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 76–83.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-07.pdf>

E.B. Lukieva*

BALTIC IMMIGRANTS
IN TOMSK PROVINCE IN THE 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-7

How to cite:

Lukieva E.B. Baltic Immigrants in Tomsk Province in the 1920s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 76–83.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-07.pdf>]

Abstract. The present article examines the establishment of schools and cultural and educational centres for national minorities in Siberia during the 1920s, using Tomsk Province and district as a case study. The study is grounded in the documents of the state archives of the Tomsk and Novosibirsk regions. In the 1920s, Tomsk Province constituted one of the most expansive multi-ethnic regions of Siberia. The population was approximately 1 083 042 people, representing 65 different nationalities. A further notable aspect of the demographic profile of the region is the significant presence of non-Russian ethnic groups, accounting for 26.5 % of the total population. This diversity is distributed across both rural and urban areas, reflecting a balanced integration of these communities into the region's social and cultural fabric. Consequently, the Soviet authorities allocated particular attention to the subjects of cultural enlightenment, taking into account the ethnic specificity of the region. The establishment education and enlightenment system was of paramount importance for both the multinational region of Siberia and the Tomsk Province, as it represented a novel concept in the absence of such an institution. The October Revolution of 1917 precipitated considerable changes in the situation of the peoples inhabiting the Russian Empire, including national minorities. In the aftermath of the revolution, the "Declaration of the Rights of the Peoples of Russia" was adopted, thus establishing the principle of equal rights as a fundamental tenet of the state. The establishment of a network of national schools was deemed imperative, serving as a conduit for the resolution of cultural and educational challenges. These educational institutions were required to incorporate educational programmes that reflected the ethnic specificity of their respective communities, a notable example being the introduction of a bilingual approach. Furthermore, the development of a network of cultural and educational centres, encompassing institutions such as clubs, libraries and theatres, was identified as a crucial measure to ensure the preservation of the national identity of minority communities within a non-national environment. The findings of the study demonstrate the significance of the system of multinational education and cultural-educational activities in Tomsk Province and district, as well as in Siberia as a whole, in the early Soviet period among national minorities. The primary accomplishment of the implemented educational activities was the establishment of a systematic approach, integrating the principles of unification (the Soviet model) and the specificity of the ethno-cultural component, to facilitate the integration of national minorities through education and culture. This approach reflected the general policy of the Soviet authorities in multinational regions.

* Елена Борисовна Лукиева, кандидат исторических наук, доцент, Томский политехнический университет, Томск, Россия, e-mail: llukielena@tpu.ru

Elena Borisovna Lukieva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia, e-mail: llukielena@tpu.ru

Keywords: national minorities, national education, non-Russian population, immigrants and cultural traditions, Estonian and Latvian colonists, schools of national minorities.

The article has been received by the editor on 30.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы создания школ и культурно-просветительских центров для национальных меньшинств Сибири в 1920-е гг. на примере Томской губернии и округа. Исследование опирается на документы государственных архивов Томской и Новосибирской областей. В 1920-е гг. Томская губерния была одним из крупнейших многоэтнических регионов Сибири. Население, представленное 65 национальностями, составляло около 1 083 042 человека. 26,5 % жителей относились к нерусским народам, проживавшим как в сельской местности, так и в городах. Поэтому советская власть уделяла особое внимание вопросам культурного просвещения, учитывая этническую специфику региона. Создание системы образования и просвещения имело огромное значение как для многонациональной Сибири, так и для Томской губернии, так как ранее ее не существовало. Октябрьская революция 1917 г. принесла существенные изменения в положение народов, населявших Российскую империю, в том числе и национальных меньшинств. После революции была принята «Декларация прав народов России», провозгласившая принцип равноправия как государственный. Важно было создать сеть национальных школ (инструмент решения культурно-просветительских задач) с образовательными программами, учитывающими их этническую специфику – например, внедрение билингвистического подхода, а также развить сеть культурно-просветительских центров (клубы, библиотеки и театры) для сохранения национального самосознания меньшинств в инонациональной среде. Результаты исследования показывают важность системы мультинационального обучения и проведения культурно-просветительских мероприятий как в Томской губернии и округе, так и в Сибири в целом в ранний советский период среди национальных меньшинств. Основным достижением реализованной образовательной деятельности было создание системного подхода в просвещении нерусского населения Сибири, сочетающего в себе принципы унификации (советская модель) и специфику этнокультурного компонента, который способствовал интеграции национальных меньшинств и реализовывал национальную политику советской власти в регионе.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальное образование, нерусское население, переселенцы, культурные традиции, эстонские и латышские колонисты, школы национальных меньшинств.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025 г.

Сибирь была и остается многонациональным регионом. Томская губерния в начале 1920-х гг. была одной из крупных в Сибири. К 1920 г. в ней проживало 1 083 042 человек 65 национальностей¹. Доля нерусского населения в губернии составляла 26,5 %² от общей численности населения. Пришлого нерусское население было неравномерно расселено по всем уездам губернии. Как правило, селилось оно компактно, основывая национальные села и деревни.

¹ Голишева Л.А. О деятельности национальных секций и отделов в 1920–1922 гг. // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 190.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4, 5.

Создание системы просвещения для нерусских народов (так как ранее ее не существовало) имело огромное значение как для многонациональной Сибири, так и для Томской губернии. Октябрьская революция 1917 г. принесла существенные изменения в положение народов, населявших Российскую империю, в том числе и национальных меньшинств. Принятая «Декларация прав народов России»³ провозгласила принцип равноправия как государственный. Однако недостаточно было признать право народов на самоопределение. Необходимо было помочь им, находившимся ранее в неравноправном положении, создать свою государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, подготовить национальные кадры рабочих, интеллигенции, организовать действующие на родном языке органы власти, хозяйственного управления, административные и судебные учреждения, а также сеть культурных учреждений: школы, училища, техникумы, вузы, прессу, клубы, библиотеки, театры и т.д.

Развитие капитализма в конце XIX в. в Прибалтике привело к вытеснению значительной части крестьянского населения из сельского хозяйства. Многие из крестьян в поисках лучшей жизни и работы мигрировали в другие регионы: на Кавказ, в Крым и Сибирь, где арендовать или купить землю было сравнительно легче и дешевле, чем на родине.

Эстонские переселенцы на новых землях селились совместно, колониями, для которых была характерна особая замкнутость. Как правило, эстонские поселения объединялись в группу деревень, иногда проживали совместно несколькими семьями или отдельными семьями среди других национальностей, хуторская система также не была редкостью.

Эстонцы расселились компактными группами по всей территории Томской губернии. Но главным образом сосредоточились в Мариинском уезде в Медодатской волости (п. Медодат, основан в 1907 г., Лилленгоф, Березовка – 1901 г., Линда – 1907 г.), Колыонской (п. Вамбола – 1908 г.), Тенгулинской (п. Кайдулинский – 1907 г.), Златогорской волости (п. Кольцовский – 1900 г.) и др., а также в Томском (п. Юрьевский Проскоковской волости) и Новониколаевском (Верхне-Эстонские хутора Ояшинской волости, п. Боровушинский Карпысакской волости) уездах. К 1920 г. в Томской губернии насчитывалось 60 эстонских поселений, в 1924 г. – 42⁴.

К 1920 г. в Томской губернии насчитывалось 48 тыс. эстонцев⁵. Большая часть колонистов проживала в сельской местности, небольшая часть – в городах. Эстонские колонисты занимались преимущественно земледелием и разведением скота, также было хорошо развито домашнее ремесло и рукоделие. Они выделялись среди других переселенцев высоким уровнем грамотности: в сельской местности процент грамотных составлял 64,2 %, в городе – 78,9 %⁶.

Создавая национальные поселки и хутора, они жили по своим правилам, сохраняя хозяйственный уклад, обычаи, традиции, язык. Обособление усиливалось тем, что многие из эстонцев не говорили и не понимали по-русски. Например, в 1922 г. в Томской губернии 55 % эстонского населения совсем не владели русским языком, 26 % из них говорили на русском плохо, 16 % – удовлетворительно, и только 3 % хорошо владели русским языком⁷. Детей до 17 лет, хорошо владевших русским языком, был 1 %, удовлетворительно – 14 %, плохо – 10 %, не владели – 55 %⁸. По социальной принадлежности эстонские переселенцы делились на крестьян (85 %), рабочих (1 %), служащих (9 %), ремесленников (2 %) и других (3 %).

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 39–40.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 121. Л. 19. Неточность в данных возможна потому, что нередко отдельные хутора учитывали как национальные поселки.

⁵ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 644. Л. 60–65; Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4; Центр документации новейшей истории Томской области (ТО ЦДНИ). Ф. 1. Д. 1509. Л. 9. Имеются архивные данные о том, что в Томской губернии в 1920 г. проживало около 10–20 тыс. эстонцев.

⁶ ГАТО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 15.

⁷ Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). Таллинн, 1976. С. 45.

⁸ ГАТО. Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

Латыши и латгальцы начали переселяться в Томскую губернию в конце 90-х гг. XIX в. Первые села – Кайбинка (Томский уезд) и Бороковка (Мариинский уезд) были основаны в 1897–1898 гг. Часть латышей прибыла в 1903 г. Но самая большая группа переселенцев переехала в губернию в период с 1907 по 1909 г. Основная масса латгальцев переехала из Витебской (в основном из Двинского уезда) и Курляндской губерний. Были мигранты из окрестностей Либавы. Большинство латгальцев по социальному положению – это бывшие батраки, малоземелье на родине и невозможность приобрести землю из-за высокой цены заставили их покинуть родные места⁹.

К началу 20-х гг. экономически окрепли лишь переселенцы, прибывшие в губернию в конце XIX – начале XX в. Из них только 50 % стали середняками, остальных можно причислить к нижесреднему слою или даже к бедноте. Занимались они в основном земледелием и скотоводством, в таежных местностях – кустарными промыслами, обработкой леса и др. Большая часть латышей и латгальцев жила в деревнях и селах, хотя было замечено стремление перейти на хуторскую систему, но в сибирских условиях это было труднодостижимо. Селились они вблизи имевшихся костелов вместе с белорусами, поляками, русскими, эстонцами.

Неграмотность среди латгальцев к началу 1920-х гг. достигала 82 %, у латышей – около 25–30 %. Старшее поколение переселенцев почти все было грамотным (получили образование в Прибалтике), а молодежь нет. В отличие от латышей, латгальцы намного лучше понимали русский язык.

Всего в Томской губернии в 1920 г. расселилось (по разным данным) от 10 384 до 22 тыс. латышей и латгальцев: в Томском уезде – в 28 волостях, в Мариинском уезде – в 24 волостях, в Щегловском уезде много латышей работало на Кемеровских, Кольчугинских, Богославских угольных копях¹⁰. Численность латышского населения в губернии сократилась после 1921 г., так как из состава губернии вышли Новониколаевский и Барбинский уезды и началась оптация граждан Латвии.

Группа литовских переселенцев в Томской губернии была немногочисленна и составляла 2 443 чел., главным образом сосредоточена в Томском уезде (около 80 %). Они компактно проживали в Александровской и Вороно-Пашенской волостях¹¹.

После предоставления прав и свобод всем национальностям, живущим в России после Октябрьской революции в 1917 г., национальные меньшинства Томской губернии, как и по всей Сибири, стремились реализовать свои права на получение образования на родном языке и открывали национальные школы, культурно-просветительные, благотворительные учреждения, издавали газеты и т.д.

Общеобразовательной школе в системе народного образования отводилась одна из ключевых позиций. Она должна была стать главным средством реализации прав на получение образования всеми гражданами России независимо от национальности на родном языке, воспитание молодого поколения на идеях советской власти, ликвидацию неграмотности.

Создание условий для открытия и функционирования школ национальных меньшинств стало одним из важнейших направлений в деятельности национальных отделов, созданных в структуре советских и партийных органов, в течение 1920-х гг. в Сибири и в частности в Томской губернии и округе.

Важной частью жизни прибалтийских переселенцев были вопросы, связанные с получением школьного образования. При строительстве нового поселка всегда в первую очередь строили костел и школу.

В 1920 г. в Сибири функционировало 1 034 национальные школы первой ступени, из них 96 – в Томской губернии. Большинство действовавших школ первой ступени было

⁹ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1 568. Л. 2–3; Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск, 1994. С. 6.

¹⁰ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 1107. Л. 4–11; ГАТО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 130. Л. 4.

открыто для татарского (350), киргизского (303), немецкого (200), эстонского (75), латышского (45) населения Сибири. В Томской губернии работало 63 татарских, 10 эстонских, 7 еврейских, 3 латышских¹² и другие школы первой ступени. Для этого времени характерен всплеск в создании национальных образовательных и культурно-просветительных заведений в Томской губернии и в Сибири. Но значительная часть из них была открыта без учета реальных финансовых возможностей. Волна энтузиазма, вызванная предоставлением прав на получение образования без каких-либо ограничений, породила огромное количество материально беспомощных школ, многие из которых, просуществовав недолгое время, закрылись.

В Томской губернии, как правило, действовали школы для национальных меньшинств первой ступени с 3-летним сроком обучения (часто встречались одно- и двухлетки), хотя предусматривалось четырехлетнее начальное обучение. Программа обучения в национальной школе была такая же, как и в русской, но обучение осуществлялось на родном языке. При школе также действовали библиотека, изба-читальня, справочные столы. Она фактически являлась единственным национальным культурно-просветительным и образовательным центром в деревне.

Большинство школ для национальных меньшинств были сельские, и дети, обучающиеся в них, были заняты в сельском хозяйстве, что исключало возможность длительного обучения. Нормальная посещаемость школ прекращалась с наступлением весенних полевых работ и возобновление учебных занятий было возможно только к октябрю-ноябрю месяца – после завершения уборки урожая.

Не посещали школу и по другим причинам, например из-за отсутствия одежды и обуви. Нередки были случаи, когда, получив начальные навыки в чтении, письме и арифметике, дети прекращали ходить в школу, так как их родители считали, что полученных знаний вполне достаточно.

Например, весной 1923 г. в п. Вамбола (Мариинский уезд) открылась эстонская школа с 35 учащимися¹³. После окончания осенних полевых работ число учащихся увеличилось до 52 человек. Учебные пособия община купила на свои средства, а также выделила деньги на постройку нового здания для школы. В поселке работала библиотека, культурно-просветительное общество с музыкальным, хоровым и драматическим кружками. Выписывались эстонские газеты.

Сложной проблемой для школ национальных меньшинств на протяжении 1920-х гг. оставался вопрос о соотношении в использовании русского и родного языков в процессе обучения. Школы, работавшие на родном языке учеников, быстро завоевывали симпатии населения. Их работа имела важное педагогическое значение, так как преподавание на материнском языке ускоряло процесс обучения, вызывало интерес, содействовало прочному и сознательному усвоению знаний.

Обучение на родном языке в начальной национальной школе было обязательным. Русский язык вводился со второй половины второго года обучения как обычный предмет. Постепенно его изучение расширялось с таким расчетом, чтобы дети, окончившие четырехлетнюю национальную школу, владели им свободно и могли продолжить учебу в русских школах второй ступени, а если имелись национальные школы повышенного типа или школы крестьянской молодежи (ШКМ), то и среднее образование получали на родном языке¹⁴. Однако на практике происходило вытеснение родного языка из процесса учебы и усиление роли русского, что не было оправданным, снижало успешность усвоения учебного материала.

К сожалению, в Томской губернии и округе школ повышенного типа для национальных меньшинств в 1920-е гг. были единицы – эстонская (начала работу с 1923/1924 учебного года) и татарская (с 1926/1927 учебного года) ШКМ и татарская семилетка (с 1925/1926 учеб-

¹² Советская Сибирь. 1920. 29 окт.; ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 408.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 627. Л. 24; Д. 773. Л. 115.

¹⁴ Там же. Д. 627. Л. 24; Д. 773. Л. 114.

ного года). Организовать обучение на родном языке удавалось только тогда, когда в школе работал преподаватель, знавший как родной, так и русский язык. Но в большинстве случаев это требование не выполнялось, так как многие из учителей, работавшие в школах национальных меньшинств, владели только одним языком. Эта ситуация была характерна для сельских школ как Томской губернии, так и Сибири.

В 1920 г. в Томской губернии действовало 10 эстонских (с 711 учащимися), 3 латышских и 1 литовская школы. Как правило, переселенцы писали ходатайство в губернский (уездный) отдел образования с просьбой прислать учителя, знающего национальный язык. Вопросы выплаты зарплаты учителям, строительства здания школы, ее ремонт, снабжение учебниками и многое другое национальная община брала на себя. Так, по решению Болотнинской районной конференции эстонских крестьян, состоявшейся в августе 1923 г., в с. Болотном была открыта эстонская школа первой ступени. Она содержалась на средства колонистов, на жалование учителю было выделено 200 пудов хлеба. Прибалтийские переселенцы были рады возможности открыть школы на родном языке, так как «на родине об этом нельзя было даже и думать»¹⁵.

Прибалтийские переселенцы в начале 20-х гг. начали создавать свои культурно-просветительные и образовательные центры. До января 1920 г. в Томске действовали Всесибирский эстонский комитет (имевший свой печатный орган «Сибирский колонист»), Эстонский национальный совет в Сибири. Но они в январе 1920 г. были закрыты, так как их признали незаконными и ведущими реакционную деятельность, защищающими интересы буржуазии, а не эстонского трудового народа.

Активную культурно-просветительную деятельность среди эстонского населения Томска проводила эстонская губернская секция РКП(б). С января по март 1920 г. ею было устроено шесть митингов, концерт-митинг и концерт-бал в пользу «Недели фронта», собравших 3,5 тыс. руб., культурно-просветительные вечера, лекции¹⁶.

В 1920–1921 гг. в Томске работали латышский и эстонский рабочие клубы. В марте 1920 г. эстонское общество «Ихендус» реорганизовано в рабочий клуб «Рабочее общество»¹⁷. Его деятельность направляла и курировала эстонская секция губкома партии. В эстонский клуб Томска было записано более 40 человек. В нем функционировало несколько кружков: литературно-политический, музыкально-певческий и театральный. Один раз в неделю проходили вечера на политические и научные темы. Так, в 1921 г. преподаватель Томского университета Артур Глейе прочитал четыре лекции о сравнительном языкознании угро-финских народов, студент-медик Ян Керге – по анатомии, ботанике, гигиене. Также в клубе ставились спектакли, организовывались музыкальные и танцевальные вечера. В апреле 1921 г. прошел вечер, программа которого включала спектакль, музыкальные номера, декламацию стихов, танцы. Эпизодическое участие в работе клуба принимали и эстонские крестьяне, приезжавшие в Томск по делам¹⁸.

В 1921 г. в Анжеро-Судженских копиях действовал эстонский политический клуб с секциями. В нем читали лекции об экономическом развитии России и политическом положении в стране, ставили спектакли, работал хор.

В марте 1921 г. томский латышский клуб посещало около 160 человек. При нем действовало семь кружков: гимнастики и пластики, политграмоты, литературный, художественный, хоровой и ручного труда.

Затрагивая проблему, связанную с отношением прибалтийских переселенцев к религии, необходимо отметить следующее: они считали вопросы веры приоритетными и оставались верующими людьми. При создании нового поселка обязательно строился костел или молитвенный дом. Браки, как правило, освящались церковью, детей предпочитали крестить. Все религиозные праздники и обряды старались исполнять. Антирелигиозная пропаганда,

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 627. Л. 23.

¹⁶ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1474. Л. 145.

¹⁷ Там же. Д. 1454. Л. 319.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 521. Л. 4; ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1474. Л. 139–140.

проводившаяся местными органами власти в 1920-е гг., никаких заметных результатов не давала. Также для этого периода нехарактерно добровольное закрытие костелов.

Важной частью культурно-просветительной деятельности среди прибалтийских переселенцев являлась организация и проведение национальных праздников. Партийные и советские органы, руководившие этой работой, придавали праздникам необходимую политическую направленность.

Одним из самых ярких примеров такой работы было устройство в Мариинском уезде эстонского певческого праздника, состоявшегося в поселке Вамбола 22–23 июня 1924 г. Его программа, рассчитанная на три дня, была сокращена из-за непогоды. В нем приняло участие около 900 человек. В первый день праздника состоялось торжественное открытие, на котором прозвучал доклад о национальной политике советской власти, организованы концерт и спектакль «В вихре ветров». Во второй день праздника прошел конкурс эстонских хоров. Вамболинский хор получил первую премию за лучшее выступление в певческом празднике и приз «Альбом Ленина», вторую премию вручили Юрьевскому хору и приз Красное знамя. После окончания конкурса было организовано шествие участников праздника по поселку под духовой оркестр. Также вечером устроили просмотр двух спектаклей, в постановке которых участвовало пять национальных культурно-просветительных обществ. Во время праздника действовала выставка детских работ, подготовленных эстонскими школами¹⁹.

Одной из форм культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств было создание школ-передвижек. Они появились в 1923–1924 гг. и организовывались, как правило, Томским губернским комитетом партии. Школы-передвижки ставили своей целью научить самостоятельной работе с книгой, заложить основы самообразования, дать начальные естественнонаучные, агротехнические и политические знания²⁰. Занятия проходили по определенной схеме: сначала задавались вопросы по теме урока, знакомясь со степенью осведомленности слушателей по данному вопросу, делались пояснения, на что необходимо обратить внимание, затем читалась лекция. В следующий вечер проходила беседа по изученной проблеме, обсуждались непонятные моменты, затем приступали к следующей теме. Обычно учебная программа составлялась на основе общероссийских материалов, а сибирские проблемы оставались в стороне. Это обстоятельство снижало интерес слушателей.

Во время работы школ-передвижек попутно собиралась информация об экономическом состоянии деревень, количестве культурно-просветительных учреждений, школ, о настроении нерусского населения, проводились собрания, читались лекции, информирующие о текущих событиях в стране и мире, создавались партийные и комсомольские ячейки и т.д. Например, латышская школа-передвижка действовала весной 1924 г. в трех латышских поселках, после окончания ее работы были организованы школы политической читки²¹.

Но эффективность подобных школ была невелика, так как после окончания работы передвижки занятия прекращались – не было учителей или других специалистов, способных вести занятия. Ситуацию усугубляло плохое снабжение национальных деревень литературой и периодикой.

После отъезда школы-передвижки нередко закрывались и организованные ею кружки, ячейки партии и комсомола по причине отсутствия подготовленных работников и средств для поддержания этой деятельности. Однако есть и положительные примеры, когда население, видевшее успехи в работе школы-передвижки, открывало начальную школу, избу-читальню, на собственные средства выписывало национальные газеты.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: образовательная и культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств в 1920-е гг. в Сибири имела как общие черты, характерные для всех сибирских губерний, так и свою региональную

¹⁹ ТО ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1468. Л. 69.

²⁰ ТО ЦДНИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 317. Л. 2; Д. 319. Л. 45.

²¹ Там же. Д. 1467. Л. 25.

специфику. На ее проведение в Томской губернии и округе оказали влияние ряд факторов, такие как – очень пестрый национальный состав населения, его численность, совместное проживание представителей различных национальных культур, языков, уровень социально-экономических отношений, степень грамотности и др.

Преимущественно нерусское пришлое население, в том числе и прибалтийские переселенцы, проживало в деревнях и занималось сельским хозяйством. Как правило, оно плохо владело русским языком, что затрудняло проведение среди них культурной работы.

Но именно в 1920-е гг. были заложены основы системы просвещения национальных меньшинств, найдены формы и методы его осуществления. В представленный период была создана и действовала сеть национально – культурных и образовательных центров, позволивших получать образование, общаться, читать газеты и книги на родном языке. В их деятельности было заинтересовано само население национальных меньшинств, нередко оно выступало инициатором их открытия и оказывало им содействие и поддержку. Все это вместе способствовало сохранению национального самосознания и родного языка переселенцев в инонациональной среде, поддержанию традиций и обычаев, развитию культуры и образования.

Однако говорить о заметных успехах в деле ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств было еще рано. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала определенное увеличение уровня грамотности населения национальных меньшинств, но в целом он в Томской губернии и округе оставался довольно низким и не превышал 50 %, за исключением латышей, эстонцев, немцев и евреев, имевших относительно высокий уровень образованности. Уровень грамотности сельского национального населения, по-прежнему, оставался ниже городского и мужское население было более грамотным, чем женское.

Итак, в Томской губернии и округе были созданы условия для реализации прав национальных меньшинств на получение образования на родном языке, а созданные национальные культурно-просветительные учреждения на принципах национально-культурной автономии, отражали политику советской власти в многонациональных регионах в 1920-е гг.

Литература

Голишева Л.А. О деятельности национальных секций и отделов в 1920–1922 годах // Томску – 375 лет: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 190–201.

Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск: НИИГАиК, 1994. 68 с.

Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). Таллинн: Ээсти Раамат, 1976. 234 с.

References

Golisheva, L.A. (1979). O deyatel'nosti national'nykh sektsyy i otdelov v 1920–1922 godakh [On the Activities of National Sections and Departments in 1920–1922]. In *Tomsku – 375*. Tomsk, Izdatel'stvo TGU, pp. 190–201.

Kolotkin, M.N. (1994). *Latgal'skie poselentsy v Sibiri* [Latgalian Settlers in Siberia]. Novosibirsk, NIIGaiK. 68 p.

Maamyagi, V. (1976). *Estoniskie poselentsy v SSSR (1917–1940 gg.)* [Estonian Settlers in the USSR (1917–1940 gg.)]. Tallinn, Eesti Raamat. 234 p.